ДАШКОВЪ.

Въ Іюнѣ 1831–го года Поляки–мятежники напали на дивизіонъ Сѣверскаго Конно–Егерскаго полка въ мѣстечкѣ Ухани, по дорогѣ на крѣпость Замостье. Дѣло было ночью, и дивизіонъ оплошалъ; конные егеря не успѣли вскочить на коней, какъ ихъ уже окружили. Въ этой сумотохѣ первый кинулся къ лошадямъ поручикъ Дашковъ и закричалъ: руби коновязь, разгоняй лошадей. Коновязь изрубили саблями, и кони шарахнулись и не достались Полякамъ. Дашковъ собралъ вокругъ себя пѣшихъ егерей своихъ и началъ пробиваться сквозь толпу бунтовщиковъ саблями и коновязными кольями. Польскій офицеръ, наскакавъ на него, сталъ требовать сдачи; «иначе, говоритъ, перебьемъ всѣхъ до однаго; отдайте мнѣ сейчасъ свою саблю!» Дашковъ поглядѣлъ на него и сдѣлалъ вотъ что: чтобы приманить его поближе, вложилъ саблю свою въ ножны, отстегнулъ портупею и сталъ подавать Поляку саблю,

которую самъ держалъ за рукоять. Полякъ нагнулся съ лошади, ухватился за ножны, а Дашковъ, выхвативъ изъ ноженъ саблю, раскроилъ ему голову. Полякъ грянулся объ землю. Получивъ наконецъ множество ранъ, саблями и пиками, Дашковъ былъ брошенъ за–мертво, и на зарѣ, очнувшись, лежалъ подпершись локтемъ. Тогда наскакалъ на него Волынякъ и, разглядѣвъ, что у Дашкова былъ на пальцѣ хорошій перстень, сказалъ ему: подай обрончке, по–Польски кольцо. Дашковъ не понялъ Поляка и отвѣчалъ, что у него уже брони, т. е. оружія нѣтъ. Полякъ подъѣхалъ ближе, толкнулъ израненнаго Дашкова пикою, приказалъ встать, подойти, и сталъ сымать у него съ пальца кольцо. Постой! сказалъ Дашковъ, ты мнѣ палецъ вывернешь, я самъ сыму; и началъ потихоньку сымать перстень. Полякъ, дожидаясь, сидѣлъ распустивъ поводья и кинувъ пику свою поперегъ передней луки. Дашковъ, смѣтивъ это, вдругъ ухватился за копье непріятеля, вырвалъ его, взмахнулъ, и тотъ не успѣлъ даже пригнуться, какъ

Дашковъ ударилъ его изо всей силы по головѣ, такъ–что древко разлетѣлось на–полы. Полякъ зашатался, припалъ къ гривѣ, и испуганный конь вынесъ его въ чистое поле. Дашковъ зарылся въ солому, подъ балаганомъ, пролежалъ, покуда подъѣхали наши, вылечился отъ ранъ и недѣли черезъ три былъ уже опять во фронтѣ.